

Как завою...

28 апреля 2008 года на окраине Будвы (Черногория) погиб мой сын Алеша, которому летом должно было исполниться 29 лет. Его отпели и кремировали в Белграде (Сербия), прах перевезли в Одессу. Чтобы как-то выжить все эти дни, я писал стихи.

* * *

До мудрости — мотаю срок
терпенья и ученья.
До зрелости — седой висок,
и сын, любовь-мученье.

До святости — стежком стежок
стяжание... икона.
До вечности — один шажок,
всего один — с балкона.

Всего лишь взмах, всего лишь блик
движенья. Боже, где ты?
До ужаса — один лишь крик,
кровоподтек планеты.

Верный расчет

I

У него был верный расчет,
он верил, что Бог спасет,
когда, отжавшись от перил,
он в небо воспарил.

Ну, замешкался бедный Бог.
Не успел, не сумел, не смог.
Потому что и так триедин.
Нас ведь много, а Он один.

II

Чем страшнее — тем дороже.
Есть и в смерти запредел.
Ты не плачь, не плачь, мой Боже!
Что же Ты не углядел?

По закону воровскому

Боже, где твой небесный твой причал,
что обещан сыну судьбою?
Ты зачем смертью смерть попрал?
И его поманил за собою.

Его помыслы были чисты.
Вопреки санитарам, контролю
из межреберной тесноты
он всего лишь хотел — на волю.

Ты зачем смертью смерть попрал?
По какому праву такому?

Карл у Клары украл коралл.
А меня Господь покарал
По закону, по воровскому.

* * *

Как завою, завою, завою... Зови — не зови,
не откликнется словом, ну разве что клекот гортанный.
Бог не спас, не сумел. Всей Его необъятной любви
не хватило. Не смог, Он не спас... На крови
мы скользим, мы скользим, оскользаются с нами Балканы.

Всего лишь повод

Что есть жизнь? Всего лишь довод
быть к себе нестрогим.
Что есть смерть? Всего лишь повод
посудить о Боге.

Молишь Его, молишь,
А Он лишь всегО лишь.
Он всегО лишь, всего лИшь
вседержитель — нувориш.

Жизнь — как заусенец,
откусил, лишенец.

Что есть срам? Всего лишь мера
низости голимой.
Что есть храм? Всего лишь вера.
Я ее не Иму.

Я не Иму, не имУ.
Позаимствую суму,
поползу по паперти.
Ну, подайте памяти.
Ну, подайте грошик
Боженьке Алеше.

Что есть мир? Всего лишь чудо,
оторопь пространства.
Что Христос, Мухаммед, Будда?
Мифы, иностранцы.

Я кричу: "He is alive!"
А в ответ собачий лай.
Я кричу: "Еще живой!"
А у Бога выходной.

Что есть Бог? Всего лишь слово —
звонкий небосWORD.
Суть всего, всему основа,
Тот, кто нас спасет.

Вытру слезы, сяду снова —
ручка, ноутбук...
Что есть Бог? Всего лишь слово
из трех букв.

Географии разрез

Между Будвой и Белградом
с телом сына кочевал.
Там для жизни есть преграда —
Черногорный перевал.

Пограничная прореха
между небом и землею.
Там, "папиры погледех",
разлучали нас с тобою.

Почему такая боль,
этот паспортный контроль?

У полиции, представил,
лики-лица: Петр и Павел.
Петр и Павел — лица,
мне бы с небом слиться.

Пограничная прореха
между жизнью и покоем.
Здесь у горнего кромлеха
видели и не такое.

Пограничная прореха,
захребетник запредела.
Здесь без взятки и без спеха
растаможивают тело.

Между Будвой и Белградом
путь пролег, и нет спасенья.
Серпантины автострады.
Солнце. Дождичек весенний.

Между Будвой и Белградом
от любви — до вознесенья
путь пролег. Кресты, ограды.
Ну, а где же воскресенье?..

Вседержительный замес
пасхальный, песочный.
Географии разрез
тонкий, подвисочный.

* * *

Оле

От Черного моря до Черного горя,
до Белого града и ввысь.
От быта историй до светопрестолья
мы вместе с тобой поднялись.

От мутных теорий — к любви априори,
насмерть, наповал, под венком.
От Черного моря до Черного горя,
пахнув крематорским дымком.

Белград

Когда, ворота раскроив,
Белград поджег Атила,
для всеспасительной любви
тротила не хватило.

Когда над городом трясли
бомбежек покрывало,
для всеспасительной резни
кинжалов не достало.

Нас в этот ужас вовлекают.
Никто давно не смотрит в святцы.
И смоква кровью набрякает,
Чтобы на паперти взорваться.

Державы интересы —
кровавые замесы.

Патриаршее подворье

В час, когда накроет горе,
это горькая отрада:
патриаршее подворье
православного Белграда.

Благость законная,
святость заиконная.
Вязаная буковка,
голубая луковка.

Лики — моего народа,
стены — ангельские битвы.
Память Белого исхода
растревожена молитвой.

Кто сегодня не знаком
с адмиралом Колчаком?
В каком нынче ранге
здесь почивший Врангель?

Тянет гарью катастрофы
от ГБ и до гестапо.
Это русская Голгофа
называется этапом.

Мы кричим: "Славяне — братья!"
Поцелуй и снова драка.
Это русское проклятье —
погубить, потом лишь плакать.

Это русское веселье
в грязь, вразнос во время тризны.
Это русское похмелье —
называется отчизной.

А когда накатит горе,
и спасенье лишь в смиренье...
Патриаршее подворье,
запах зябнувшей сирени.

АЛЕШИН ЗАПОВИТ

Я не бог, я лишь любитель
миру во спасенье.
Вы простите, вы любите.
Завтра — воскресенье.

Деньги — прах, душа — обитель
нежности одной.
Вы не спите, вы любите.
Завтра — выходной.

Чуден барахла копитель.
Где отдал — там сказка.
Не копите, вы любите.
Завтра — Пасха.

Если уличная драка,
я не бил.
Я смеялся, кровью харкал,
но любил.

Бей не бей — обиды нету.
А беда рекой,
я прикрою всю планету
левою щекой.

Общих слов не говорите.
Мир спасен,
если любите. Любите.
Вот и все.

Юродивый

Столетия в народе
бытует мысль проста:
юродивый — пародия
на самого Христа.

Кощунственные речи,
безумные призывы:
любить, пока не вечер,
любить, пока мы живы.

А как любить юродивых —
отрепье всех местечек?
А может, не пародии,
а может быть, предтечи?

А может, отпочкованы
от Бога самого
предтечи местечковые
Алешки моего.

Будва — Белград — Одесса
29 апреля — 10 мая 2008

